

ФИЛОСОФИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ. ТЕОРИЯ ПРАВА. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА

Николай Васильевич Селихов

Независимый исследователь, кандидат юридических наук

E-mail: selihovnv@mail.ru

Народовластие — право коллективных субъектов (концептуальный взгляд)¹ Часть II

Структура правосубъектности народа и содержание ее элементов

Nikolaj Vasiljevich Selikhov

Independent Researcher, Candidate of Juridical Science

Sovereignty of the People as the Right of Collective Entities (Conception View) Chapter II

Structure of Legal Personality of Nation and Substance of its Elements

В науке структура правосубъектности раскрывается по-разному. Применительно к одним субъектам она отождествляется с правоспособностью, к другим — дополняется категорией дееспособности, т. е. самостоятельности субъекта в осуществлении прав и обязанностей. Какова же структура правосубъектности народа?

Как правовая абстракция *правоспособность* народа полностью укладывается в упомянутую выше конструкцию, но есть несколько особенностей.

Первое. Общая правоспособность народа вытекает из его возможности самоорганизации и самоопределения. Они формируют его способность к самоуправлению через выявление и реализацию общей (коллективной) воли.

Второе. Правоспособность народа не ограничена конкретными правовыми возможностями и обязанностями. Статус источника всякой власти позволяет расширять или ограничивать таковые по необходимости в любое время и по любому поводу через установленную форму коллективного взаимодействия. Всякое ограничение данного правила воспринимается как узурпация власти.

Третье. Существует специфика соотношения возможностей и обязанностей народа. Его субъективным правам необязательно должны противопоставляться его же обязанности. Последние скорее возникают у вступающих с ним

¹ Коллективные правосубъекты, не относящиеся к социальным общностям, в статье не исследуются.

в отношении иных субъектов, особенно в сфере установления публичного правопорядка, например, у конкретных граждан, государственных органов или организаций.

В связи с этим казуально перечисляемые в научной литературе правомочия и обязательства народа, такие как право на выражение своей воли, самостоятельности в определении состава органов политического представительства, полнота внутренней юрисдикции, распоряжения природными ресурсами, соблюдение признанных гражданским обществом прав и удовлетворение потребностей каждого гражданина и прочее, вполне продиктованы «народо-правным духом», но не имеют характера «закрытой» системы.

Возможно ли ставить вопрос о *дееспособности* народа и иных публично-правовых общностей? В определенном значении — да. Она так же раскрывается через категорию самостоятельности, только с учетом ряда особенностей. Во-первых, дееспособность народа не есть сумма дееспособности составляющих его граждан, поэтому традиционные медицинский и юридический критерии в оценке коллективных действий тут не применимы. Во-вторых, самостоятельность народа не требует учреждения специальных органов, признания законом и совершения определенных регистрационных юридических процедур, свойственных выражению дееспособности юридического лица.

Поэтому самостоятельность народа в реализации своих прав и обязанностей имеет иные основания. Базовое из них — суверенитет. Народ, самоопределяясь, в силу установленного им же основного закона самостоятельно и коллективно выбирает способ социального управления. Посягательство на его волю (конкретное решение) есть нарушение суверенитета.

Другим основанием самостоятельности народа выступает его *общая (коллективная) воля*, представляющая собой соотношение мнений различных социальных групп и отдельных граждан, формируемая по принципу общественного большинства. Его следует считать правовым уже в силу того, что он выступает единственным алгоритмом взаимодействия всякой социальной общности с иными правосубъектами. Выборы, референдумы, сходы граждан и т. п. руководствуются им в принятии итоговых решений. При этом нельзя считать коллективное мнение большинства инструментом подавления или ограничения инакомыслящих. С ним можно соглашаться или пытаться опровергать, но следует помнить, что оно *не требует* от меньшинства внутреннего признания позиции оппонента на уровне личных убеждений. Достаточно того, чтобы последнее отказалось от немедленной реализации своих убеждений практическим путем. У него остается возможность со временем повлиять на взгляды сограждан и превратиться в социальное большинство с обновленным консенсусом [1, с. 38–39].

Определение *круга публично-правовых общностей — субъектов* также представляется важной задачей, в решении которой следует использовать наработки советской теории в современной интерпретации. Приступая к нему, обозначу концептуальные моменты.

Во-первых, вспомним, что политико-правовой режим народовластия устанавливается первосубъектом в процессе своей государственной самоорганизации и самоопределения для поддержания определенного и признаваемого его гражданами правопорядка. При этом первосубъект через свою

коллективность воспринимается социальной общностью, основанием которой выступают групповые межличностные аксиологические установки, признаваемые всеми гражданами.

Во-вторых, упомянутые установки должны регулировать отношения между участниками правоотношений в публичном порядке (публично-правовой критерий). Поэтому социальные общности, не претендующие на пребывание в определенном режиме самоуправления, регулирующего внешние отношения его членов, не могут признаваться публично-правовыми.

Советская наука на уровне мнений отдельных ученых социальные общности по упомянутому критерию не разделяла, просто причисляя их к категории правосубъектов по наличию субъективных прав и обязанностей в государственно-правовых отношениях. Среди них выделялись советский народ, советские нации и народности, коллективы советских граждан. Их еще обсудим, но упоминавшиеся также избирательные комиссии, общественные организации, общие собрания граждан к таковым относить не станем, ведь они субъективировались в виде органа, учреждения (организации) или вообще не имели устойчивости.

О народе-первосубъекте подробно уже указывалось. Необходимо лишь дополнить, что российский народ представляется не союзом трудящихся классов, но политико-правовой общностью своих граждан, вне зависимости от *любого* признака их разграничения (политического, социального, экономического и пр.).

Народ-первосубъект включает в себя различные этнические единицы (племена, народности, национальные народы). Этноты следует признавать публично-социальными общностями лишь в том случае, когда они обладают возможностью самоуправления в каких-то публичных сферах (национальное законодательство, особый правовой статус, собственные органы местного самоуправления и т. п.). Устойчивость этносов объясняется родовыми и национальными связями их представителей, компактными границами проживания.

Признанная народом-первосубъектом возможность самоуправления граждан определенных административно-территориальных образований также указывает на необходимость отнесения формируемых ими общностей к самостоятельным субъектам. В этом значении правосубъектом выступает *население*, проживающее на определенной административной территории. Устойчивость такой общности обеспечивается постоянным местом проживания.

В многонациональном государстве с развитой административно-территориальной системой этнические и территориальные самоуправляющиеся правосубъекты образуют единый народ-первосубъект.

Не следует признавать субъектами права социальные большинство и меньшинство. Причина проста: таковые с утратой прежних родовых, этнических, сословных или классовых скреп сегодня не образуют устойчивых социальных общностей. Им более присуща динамичность (текучесть), в которой большинство и меньшинство формируются не в результате определенного публичного положения, но меняются применительно к решению конкретного общего вопроса.

Политические партии, хотя и обладают коллективностью, устойчивостью и способностью к формированию межличностных аксиологических установок, не могут причисляться к публично-правовым общностям. Этому препятствует их двойная правовая форма их субъективации. Они всегда выступают

одновременно организациями в образе юридического лица, представляясь обязательным элементом механизма политического представительства (управления), но не народного самоуправления.

Правовое освоение обновленных теоретических представлений на уровне юридической догмы и практической юриспруденции.

Обновить доктрину и откорректировать теорию — лишь часть решения проблемы реализации принципа народовластия и признания народа и иных политико-правовых общностей субъектами права. Содержащиеся в них научные знания не представляются самоцелью. Освоив их как предмет своего познания, теория должна пройти практическую верификацию, ведь ее целью всегда выступает решение определенной проблемы через изменение общественной среды путем коррекции системы социальных ценностей. Только сводить эту деятельность лишь к «очеловечиванию» исходящего от государственной власти права и возвышению человека в теории права [2, с. 6], думается, не стоит. Возвысив один из противоборствующих столпов государственности, упомянутую проблему социального противостояния не решим. Только усилим напряженность между ними, да и, как обоснованно сказано, индивид не может включаться в политическую систему в качестве самостоятельного субъекта [3, с. 12–13]. Нужны иные прикладные правила социального взаимодействия, поэтому свободное политическое представительство должно эволюционно смениться народным самоуправлением.

В связи с этим правовое освоение распадается на две полусферы: восприятие теории юридической догмой и практической юриспруденцией.

На уровне юридической догмы представления теории о народовластии разовьются в обновленные категориальный аппарат и принципы позитивного права, которые помогут развернуть сущность суверенитета народа и режима самоуправления народа в нормативном материале. На его основе традиционный позитивизм перестанет воспринимать их метафизическими категориями с неконкретизированным фактическим базисом и займется привычной ему интерпретационной деятельностью.

Аналогичное воздействие теория окажет на практическую юриспруденцию, которая, реализуя смысл правовых предписаний, фактически выполнит роль специального инструмента, проводящего социальный эксперимент в рамках гражданского общества. Здесь правовое освоение станет формой практики. Ее результаты будут основанием признания жизнеспособности теоретических представлений либо их ложности. Другого способа нет. Так формируется доктрина (форма правовой политики) любого государства, с помощью которой определяются характер и направления развития гражданского общества.

В заключение подведем некоторые итоги.

Решение проблем социального противостояния и укрепления государства как формы публично-правового единения граждан возможно лишь через установление конституционно заявленного политико-правового режима народовластия.

Реализация принципа суверенитета народа возможна только после обновления научных знаний на уровне обновленной доктрины и раскрывающей народовластие теории, способных обосновать положение о признании народа и иных публично-правовых общностей коллективными субъектами позитивного права.

Правовая прерогатива установления режима народовластия принадлежит исключительно публично-правовым общностям — правосубъектам. Политическое представительство, органы государственной власти и отдельные граждане не могут восприниматься его источниками.

Смена парадигмы о народовластии произойдет только при условии правового освоения обновленных научных знаний на уровне юридической догмы и практической юриспруденции, реализуемых посредством социального эксперимента.

Как видится, данное направление в науке выглядит целинным полем, освоив которое, мы либо приблизимся к заявленному идеалу, либо будем относиться к нему как к политическому миружу, продолжив поиски более подходящей нам модели публичного правления.

Пристатейный библиографический список

1. *Хабермс Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М. : ACADEMIA, 1995.
2. *Пономаренко Е. В.* Правовое освоение в системе категорий теории права. Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2010.
3. *Перевалов В. Д.* Политическая система развитого социализма (вопросы правосубъектности и законности). Свердловск : СЮИ, 1984.

References

1. *Habermas JU.* Demokratiya. Razum. Nравstvennost' [Democracy. Mind. Morality]. M. : ACADEMIA, 1995.
2. *Ponomarenko E. V.* Pravovoe osvoenie v sisteme kategorij teorii prava. [Legal development in the system of categories of theory of law]. Tyumen' : Izd-vo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010.
3. *Perevalov V. D.* Politicheskaya sistema razvitogo socializma (voprosy pravosub'ektnosti i zakonnosti). [Political system of advanced socialism (issues of sovereignty of the people and legality)] Sverdlovsk : SYUI, 1984.